

Мало Гектор

Соучастники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г30

Г30 **Гектор М.**
Соучастники / Мало Гектор – М.: Книга по Требованию, 2024. – 353 с.

ISBN 978-5-519-95082-4

ISBN 978-5-519-95082-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

для занятій нотаріуса и его клерковъ, другал—столовой и въ то-же время салономъ, наконецъ, третья—кухней. Теперь-же это распредѣленіе оказалось неудовлетворительнымъ. Въ прежнее время старшеі Ротинъ могъ работать подлѣ своихъ клерковъ, отъ которыхъ ничего не скрывалъ; но его замѣститель не придерживался столь патриархальныхъ обычаевъ и находилъ необходимымъ имѣть отдѣльный кабинетъ. Вотъ, почему къ дому была сдѣлана небольшая пристройка, выходившая въ садъ, и въ ней устроено бюро клерковъ, а на дворѣ, позади дома, выстроена кухня; такимъ образомъ явилась возможность прежнему рабочую комнату обратить въ кабинетъ патрона, прежнему столовую—въ гостиную его супруги, а кухню—въ столовую. Садикъ подвергся также радикальнымъ перомѣнамъ: бюсты и статуи были удалены, густая зелень расчищена, вмѣсто прежнихъ узенькихъ дорожекъ проложена одна круговая аллея, окаймлявшая весь садъ, и около ограды, протинъ набережной, выстроена хорошенькая бесѣдка, съ разноцвѣтными стеклами въ окнахъ, изъ которой открывался видъ на Сену и ея островки. Наконецъ, на заново выкрашенной оградѣ сада красовалась деревянная рамка съ разноцвѣтными объявленіями, на которыхъ пѣсны типографскими шрифтами повторялось имя: „Г-на Куртезъ, нотаріуса въ Уасель“.

И въ самомъ дѣлѣ, этотъ домикъ, съ своимъ чистенькимъ фасадомъ, съ аккуратно расправленными занавѣсками на окнахъ, съ зеленой бархатной лужайкой и клумбами, цвѣтущими цвѣтами, имѣлъ веселый, ликующій видъ, внушавшій видю о счастье и благополучіи. Такъ и казалось, что жизнь балуетъ и улыбается его обитателямъ. Часто, по воскресеньямъ, когда нотаріусъ съ своей женой сидѣлъ въ бесѣдѣ, имъ случалось слышать изъ устъ гуляющихъ руанскихъ и альбофскихъ рабочихъ, именно, это мнѣніе, выражаемое въ формѣ наивнаго пожеланія:

— Вотъ-бы пожить въ такомъ домикѣ, имѣя въ кармапѣ сто су всякій день!

Въ одну изъ пятницъ сентября мѣсяца Куртезъ, куря сигару, прогуливался по своему хорошенькому саду, еще влажному отъ

почной росы. Отъ скуки онъ забавлялся тѣмъ, что убивалъ пауковъ, раскинувшихъ паутинныя на вѣткахъ розовыхъ кустовъ, или на кустникахъ гераниумовъ. Кончикомъ пальца онъ слегка шевелилъ паутину, паукъ, думалъ, что въ его сѣти попала муха, съ жаждою выскакивалъ, чтобы броситься на свою жертву; тѣмъ временемъ Куртезъ раздувалъ свою сигару и обрасывалъ совершенно красный попель на спину животного.

Модленно подвигаясь вокругъ лужайки, онъ съ видимымъ удовольствіемъ занимался этимъ публіцизмомъ. Дойди до бесѣды, онъ остановился около маленькой лѣсочки, водшей въ нее, и продолжалъ свою игру на розовыхъ кустахъ, посаженныхъ около перилъ; но вдругъ онъ остановился; на свѣже взрыхленной и обкопанной цвѣточной грядкѣ онъ увидѣлъ вдалекомое углубленіе.

Что это?

Сомнѣній быть не могло; очевидно и безспорно, это былъ слѣдъ мужского ботинка, или сапога, съ довольно узенькой подошвой и небольшимъ каблучкомъ.

Куртезъ вспомнилъ, что въ четвергъ, вечеромъ, садовникъ обкапывалъ именно эту грядку, но онъ былъ обутъ въ грубые дощатые башмаки, и этотъ узенькій слѣдъ пиконнымъ образомъ не могъ ему принадлежать; съ другой стороны, такъ какъ калитка въ этотъ ранній часъ еще заперта, то слѣдъ не могъ быть оставленъ ни посѣтителемъ, ни клеркомъ.

Значить, кто-то проникалъ ночью въ садъ,—за поимѣніемъ возраженій, естественно явился этотъ выводъ.

Но съ какииъ намѣреніемъ?

Первымъ дѣломъ Куртезъ побѣждалъ въ свой кабинетъ взглянуть, не взломали-ли воры его конторку. Онъ нашелъ ее въ цѣлости, равно какъ и черный кожаный портфель, приготовленный имъ еще наканунѣ и положенный на столъ, чтобы вѣсти его въ Руанъ. Потомъ, спустившись съ двухъ ступенекъ, ведущихъ въ бюро клерковъ, онъ убѣдился, что и тамъ все въ цѣлости и въ сохранности.

— Уфъ!—съ облегченіемъ вздохнулъ онъ,—все цѣло.

Теперь успокоившись, онъ могъ на досугъ размышлять, какъ и откуда могъ проникнуть въ садъ таинственный посѣтитель. Стѣны, которыя онъ оглядѣлъ, ничего не обнаружили; все было въ порядкѣ и замокъ на калиткѣ нисколько не поврѣжденъ. Однако, вѣдь, не могъ онъ свалиться съ поща, а долженъ былъ какъ-нибудь войти въ садъ. Наружный осмотръ бесѣдки также ничего не разъяснилъ, рамы были закрыты изнутри, слѣдовательно, чтобы открыть окно, нужно было разбить стекло, а стекла всѣ цѣлы.

Онъ вошелъ въ бесѣдку и оглядѣлся; моблировка ея состояла изъ кресла-качалки, нѣсколькихъ стульевъ и широкаго дивана съ мягкими подушками. Повидимому, все было въ порядкѣ, но, внимательнѣе оглядѣвшись, онъ замѣтилъ нѣкоторое количество песка около дивана.

Какъ попалъ сюда песокъ? Кто его занесъ? Съ какихъ поръ?

Не долго думая, онъ протянулъ руку къ сонеткѣ и позвонилъ; на его зовъ явилась очень некрасивая служанка, лѣтъ сорока пяти, или пятидесяти, вяло волочившая погоню, и стала медленно подниматься на лѣсенку кіоска.

— Солпна, когда вы убирали эту бесѣдку?

Она уклончиво переспросила:—бесѣдку?—и вздохнула.

— Ну, да, бесѣдку.

— Убирала-ли я ее? Еще-бы! Конечно, убирала.

— Когда?

Она призадумалась скорѣе съ лукавымъ, пезолн съ протодушнымъ и глуповатымъ видомъ, который хотѣла изобразить. Какъ истая нормандка, она боялась ризкнуть отвѣтомъ, не выѣдавъ предварительно, съ какой цѣлью ее спрашиваютъ.

— Вы знаете, что я почти каждый день убираю бесѣдку.

— Убирали-ли вы ее вчера?

— Гмъ! пожалуй.

— А третьяго дня?

— Если не вчера, то павѣрное третьяго дня.

— Въ который-же изъ этихъ двухъ дней?

— Если вы будете меня сбивать, я никогда не вспомню.

Онъ указалъ ей на полъ.

— Смотрите, здѣсь песокъ...

Она взглянула, и на лицѣ ея изобразилось удивленіе:

— Песокъ?

— Конечно, песокъ... нужно знать, когда онъ сюда попалъ, съ ныѣшней-ли ночи, или со вчерашняго дня?

— Гмъ!... съ ныѣшней ночи... Кто-же его могъ принести?

— Вотъ, про что я васъ и спрашиваю.

— Я знаю не больше, чѣмъ вы.

— Но я хочу знать, въ какой день вы здѣсь убрали: третьяго-ли дня, утромъ-ли вчера, или днемъ?

— Знаю только одно, что не вчера днемъ...

Вотъ все, что онъ отъ нея добился. Конечно, это было очень немного; но, все-таки, кое-что. Если она не пола днемъ, значитъ, песокъ былъ занесенъ утромъ, или наканунѣ, имъ самимъ, или его женой. Такимъ образомъ присутствіе песку не имѣло никакого важнаго значенія. Куртезъ остановился на этомъ выводѣ, казавшемся ему согласнымъ съ логикой вещой, т. е. съ цѣлостью закрытыхъ оконъ.

II.

Прежде, чѣмъ вернуться въ кухню, Солина подошла къ садовой оградѣ и открыла калитку, такъ какъ приближалось время прихода клерковъ, а она рассчитывала каждый свой шагъ, и это не удивительно. Ей съ утра до вечера приходилось быть на ногахъ. Въ этомъ домѣ все хозяйство лежало на ней; она ходила за провизіей, стирала, гладила, чинила бѣлье и служила за столомъ.

Но только ей одной приходилось много работать, но и для клерковъ миновали тѣ блаженные времена, когда при краткомъ правленіи старика Ротина они пользовались чуть-ли не полной свободой; о нихъ даже сложилась пѣсенка:

„Les clercs d' maître Rotin
„N 'ont jamais à l' étude;
„Ils partent des l' matin...

(Клерковъ г-на Ротина никогда нѣтъ въ конторѣ; они уходятъ съ утра).

Теперь эту пѣсенку слѣдовало понимать совсѣмъ наоборотъ, т. е. что „они приходятъ въ контору съ утра“. Первымъ постоянно являлся кассиръ-Бульнуа, старавшійся выказать свое усердіе къ службѣ; затѣмъ приходили клерки: Вональе ъ—старшій и Фошонъ-младшій, жившіе вмѣстѣ на другомъ концѣ города въ гостиницѣ Ренессансъ и часто опаздывавшіе на нѣсколько минутъ, хотя отлично знали, что это не пройдетъ имъ даромъ и что патронъ любить крѣпкія выраженія.

Дѣйствительно, Куртозъ совѣтъ иначе относился къ своему за-
пятію, нежели его предшественникъ.

Старикъ Ротинъ былъ скорѣе другомъ и совѣтникомъ своихъ
кліентовъ, нежели ихъ нотаріусомъ, и изъ бумагъ и актовъ за-
ставлялъ совершать только тѣ, которые были безусловно необходимы,
впрочемъ, и отъ такихъ онъ умудрился по большей части отдѣлы-
ваться. Если кліентъ заставлялъ его въ конторѣ, что случалось до-
вольно рѣдко, такъ какъ онъ почти все время проводилъ въ своемъ
оригинальскомъ имѣніи, гдѣ устроилъ превосходные питомники яблокъ,
онъ старался какъ можно скорѣе отъ него избавиться.—Но хоти-
то-ли поговорить съ Алексѣемъ?—было всегда его первымъ слова-
ми; далѣе онъ уже прямо объявлялъ:

— Вотъ, я поручаю васъ Алексѣю!

Этотъ Алексѣй поступилъ въ контору совѣтъ мальчикомъ и,
пробывъ въ ней болѣе тридцати лѣтъ, изучилъ всѣ статьи закона
не хуже любого нотаріуса, такъ что никто не претендовалъ на
непониманіе и не требовалъ объясненій съ самимъ натропомъ, кото-
рый, кстати сказать, спорохонько уѣзжалъ къ своимъ любезнымъ
питомникамъ. Его отвращеніе къ письменной работѣ было такъ ве-
лико, что можно было-бы сосчитать минуты, когда онъ держалъ
перо въ рукахъ въ продолженіи своей сороколѣтней практики. Кліенты,
желавшіе сдѣлать духовное завѣщаніе, были его настоящими пуга-
лами. Имъ онъ уже не могъ сказать:

— Вотъ, обратитесь къ Алексѣю, онъ дастъ вамъ текстъ, ко-
торый вамъ придется только переписать!..

Къ сожалѣнію, въ числѣ его кліентовъ были люди вовсе
неграмотные, которые не могли переписать текста; тогда онъ
прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, даже комедіить, лишь-бы какъ
можно подальше оттянуть ненавистный моментъ, когда придется
взять перо въ руки, такъ какъ завѣщаніе, по правиламъ за-
кона, должно быть написано рукою самого завѣщателя или его
нотаріуса.

— Какъ, съ такимъ цѣлующимъ видомъ вы задумали дѣлать
завѣщаніе—говорилъ онъ,—подождите еще лѣтъ десять...

Какъ-то разъ одна старуха, которую онъ уже нѣсколько разъ отсылалъ, категорически заявила, что не выйдетъ изъ конторы до тѣхъ поръ, пока завѣщаніе не будетъ одѣлано. Дѣлать нечего, Ротинъ собралъ свидѣтелей и изъясня за поро. Черезъ недѣлю старуха скончалась. Тогда въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ упрекъ совѣсти, извѣсилъ отвѣтственность, которой подвергается изъ-за своей апатіи, и, будучи честнѣйшимъ въ мірѣ человекомъ, рѣшился не оставаться долѣе нотариусомъ. Три мѣсяца спустя, онъ продалъ свою контору Куртеву и могъ всецѣло отдаться любимому своему занятію.

Куртевъ завелъ совсѣмъ иные порядки. Мирная контора Ротина превратилась вдругъ въ фабрику нотаріальныхъ дѣлъ и актовъ, въ которой работа съ утра до вечера кипѣла ключемъ. При всей своей перадиности старикъ Ротинъ, все таки, зарабатывалъ тысячъ восемнадцать, двадцать въ годъ, и это позволило ему продать свою контору за сто тысячъ франковъ, что было сравнительно весьма недорого. Но ни этотъ доходъ, ни эта цѣна не удовлетворили Куртева. Онъ задался цѣлью въ три года удвоить какъ доходность, такъ и цѣнность своего запитія; впоследствии, когда лѣтъ черезъ шесть или семь они утroyтся, тогда онъ рассчитывалъ продать контору въ Уаселѣ, переселиться въ Руанъ или Гавръ и купить тамъ большую контору. „Наживать деньги“ было его излюбленнымъ выраженіемъ, безпрестанно вертѣвшимся у него на языкѣ. Онъ повторялъ его почти безсознательно, машинально, и, быть можетъ, въ силу этого оно вѣрно передавало его заветную мысль, заботы и цѣль жизни.

Чтобы „наживать деньги“, онъ повелъ политику, совершенно противоположную той, которой держался старикъ Ротинъ. Теперь, каждое воскресенье, у молодого нотариуса былъ сервированъ сытный, обильный и вкусный завтракъ, въ которомъ могли принять участіе все кліенты, стоявшіе приглашенія. Нотариусъ обходился съ ними съ добродушной предупредительностью; похлопывалъ ихъ по плечу, выслушивалъ ихъ семейныя исторіи, принималъ приглашенія, а въ выпивкѣ поддерживалъ компанію самымъ неутomимымъ.

— Нашъ новый нотаріусъ не гордъ!—было первымъ распространявшимся о немъ сужденіемъ, а вторымъ: Не дорогъ!

Дѣло въ томъ, что онъ покусено убѣдиль кліентовъ, будто сбавилъ цифры своихъ гонораровъ; до пѣкоторой степени, т. е. въ отдѣльности это было вѣрно, но въ общей сложности, при массѣ совершаемыхъ актовъ, итогъ получался весьма внушительный.

Этой мнимой дешевизной и своей обходительностью онъ привлекалъ кліентовъ изъ Руана и Эльбефа. Сверхъ того, кассиръ Бульнуа, приобретшій значительный навыкъ въ обращеніи съ публикой въ бытность свою комму-воажеромъ, зналъ въ городѣ всѣхъ наперечетъ и зазывалъ кліентовъ даже изъ сосѣднихъ кантоновъ.

— Не дорогъ и знаете-ли—совсѣмъ не гордъ!—раховаливалъ онъ своего патрона.

Однако, патронъ былъ очень строгъ къ своимъ клеркамъ, впрочемъ, но болѣе чѣмъ къ самому себѣ: онъ требовалъ ото всѣхъ безукоризненной аккуратности и пунктуальности.

Когда калитка была открыта, онъ выглянулъ на улицу, но идутъ-ли его клерки, по ихъ еще не было, тогда, въ ожиданіи, онъ занялся обзоромъ садовой ограды съ наружной стороны, около того мѣста, гдѣ приходилась бесѣдка. Но всѣ его старанія что-нибудь открыть не увѣчались никакими положительными результатами.

Тѣмъ временемъ подоспѣлъ запыхавшійся Бульнуа.

Вмѣсто того, чтобы пропустить его въ контору, Куртовъ вошелъ въ садъ и подозвалъ кассира къ лѣсенкѣ бесѣдки, гдѣ указалъ на углубленіе, сдѣланное въ землѣ.

— Что это?—спросилъ онъ.

— Это?.. Ахъ Боже мой, со мной пѣтъ очковъ...

— Да что вы,—ослѣбилъ?

Этотъ вопросъ заставлялъ Бульнуа поспѣшить съ отвѣтомъ изъ опасенія, что за слѣпоту ему откажутъ отъ должности.

— По моему—это ямка.

— Отчего-же она сдѣлалась?

Бульнуа былъ также пормадець.

— Гмъ!—проворчалъ онъ.

— Вѣдь, вы видите, что это слѣдъ ботинка или сапога.
— Совершенно вѣрно; но почему онъ вдѣсь очутился?
— Потому что сегодня ночью кто-то входилъ въ садъ.
— Кто-же могъ входить?
— Воръ.
— Укралъ-ли онъ что нибудь, или только приготовился украсть?
Бульнуа взглянулъ на патрона, скорѣе съ любопытствомъ, нежели съ удивленіемъ.

— Слышали-ли вы ночью шумъ?—спросилъ онъ.
— Часа за два до разсвѣта я былъ разбуженъ, какъ мнѣ показалось, шумомъ хлопнувшей двери. Послѣ того я долго прислушивался, но все было тихо. Тогда я зажегъ свѣчу и прошелъ въ комнату жены, спросить ее, не слыжала-ли она чего-нибудь. Но она спала крѣпкимъ сномъ и, очевидно, ничего не слышала, впрочемъ, это и неудивительно: самый крѣпкій сонъ у нея бываетъ подъ утро, а у меня наоборотъ, съ вечера.

— Такъ что домъ постоянно оберегается!

— Очевидно, это моя свѣчка спугнула вора, быть можетъ, въ ту минуту, когда онъ собирался открыть ставню, но вѣрнѣе всего, когда дѣлалъ отпiski замочныхъ скважинъ, чтобы вернуться потомъ съ поддѣльными ключами. Ну, если онъ это задумалъ, то ему не повезетъ, такъ какъ я сегодня-же пришлю изъ Руана рабочихъ, чтобы устроить во всемъ домѣ электрическіе запоры. Если рабочіе пріѣдутъ раньше меня, то вы покажете имъ всѣ окна и двери въ домѣ.

Между тѣмъ, подошли два другихъ клерка. Бульнуа последовалъ за ними въ контору, гдѣ всѣ трое безъ лишнихъ проволочекъ принялись за свое дѣло.

Но почти тотчасъ-же изъ кабинета патрона одинъ за другимъ раздались два звонка, что означало требованіе второго клерка.

— Вниманіе къ вамъ, Фошонъ,—сказалъ старшій клеркъ,—берегитесь, что-то у патрона рука очень нервно дрожитъ.

Второй клеркъ, не возражая, поднялся на двѣ ступеньки, ведшія въ кабинетъ патрона.

— Написали-ли вы письма по списку, который я далъ вамъ вчера?—спросилъ Куртевъ.

— Да.

— Ну, такъ принесите мнѣ ихъ для подписи.

Но прежде чѣмъ подписать, Куртевъ ихъ прочиталъ.

— Что это?—спросилъ онъ, указывая на букву *n*.

— Буква *n*.

— Вы пишете *президентъ* съ маленькой буквы?

— Слово *президентъ* существительное нарицательное, а потому...

— Существительныя нарицательныя здѣсь вовсе не причемъ, бываютъ важныя должности, какъ, напримѣръ: Президентъ, Директоръ... которыя нужно писать большой буквой; перепишите эти письма.

Послѣ младшаго клерка былъ вызванъ старшій, за нимъ касиръ и каждый получилъ по головнойкѣ. Наконецъ, въ девять часовъ Куртевъ, съ чернымъ портфелемъ подъ мышкой, прошелъ черезъ садъ, отправляясь въ Руанъ, что дѣлалъ каждую пятницу, такъ какъ это былъ день, когда всѣ нотаріусы округа пріѣзжали въ Руанъ и собирались въ зданіи суда.

При шумѣ закрывающейся садовой калитки, Бульнуа поднялъ голову:

— Знаете новость?—сказалъ онъ,—сегодня утромъ патронъ открылъ въ саду, на цвѣточной грядкѣ около бесѣдки, слѣдъ мужского сапога и думаетъ, что ночью въ садъ проникли воры, но убѣжили, когда патронъ, проспавшійся отъ шума, зажогъ свѣчку.

Бульнуа говорилъ это пропическимъ и насмѣшливымъ тономъ, обращаясь главнымъ образомъ къ старшему клерку; эта новость, какъ ему показалось, заставила Вопальера встревожиться.

— Это еще не все: патронъ пришлетъ изъ Руана рабочихъ, чтобы устроить во всемъ домѣ электрическіе запоры!—добавилъ Ваульнуа.

— Какимъ-же образомъ можно запретъ домъ посредствомъ электричества?—спросилъ Фошонъ,—слышали вы это, Вопальеръ?

— Мнѣ случалось видѣть подобнаго рода приспособленія въ окрестностяхъ Парижа: всѣ двери и окна соединены проволокой, которая оканчивается сильно дребезжащимъ звонкомъ. Около каж-